

Владимир Чукбар

Стихотворения

«Сухум
«2011

ББК 84(5А6х)6–5

Ч – 88

Владимир Чукбар. Стихотворения.
Сухум, 2011 – 112 с.

Предисловие

Творчество Владимира Чукбар до последнего времени было не известным широкому кругу читателей. Его стихи ещё ни разу не печатались, а сам поэт ушёл из жизни более 40 лет назад. Наверное, следовало ранее опубликовать содержимое пожелтевших от времени страниц, часть из которых была исписана карандашом в окопах Великой Отечественной...

Все произведения были им написаны в течение относительно небольшого промежутка времени: с 1942 по 1949 год, т.е. когда автору было 25–32 года, в основном в период прохождения военной службы, в том числе, в действующей армии, освобождавшей Кавказ и Крым. В значительной степени условно их можно подразделить на следующие группы: стихотворения о войне, лирику, стихи философской направленности, что не часто встречается в поэзии, а также переводы с немецкого, который Владимир знал в совершенстве, стихов известных поэтов Германии. Последние сделаны по принципу максимальной приближенности к оригиналу, что можно проследить, сравнивая некоторые из них с более ранними

© Владимир Чукбар, 2011

«вольными» переводами великих русских поэтов. Условность выделения первых трёх групп творческого наследия В.Чукбар связана не только с политематическим содержанием стихов, но и с единым временем и местом их создания.

Характерной чертой поэзии В.Чукбар, помимо палитры жанров, является разнообразие форм стихотворного сложения, чёткость ритма, «возвышенность», и красота стиля. В смысловом отношении упор делается на последнем, завершающем четверостишии. Настроение, на котором строятся стихи, очень разное. В некоторых сквозят веселье и юмор, в том числе в отражении непростой солдатской военной жизни, в других – наоборот, всё определяет грусть, вплоть до отчаяния, что соответствует непростому периоду жизни автора, тесно связанного с судьбой страны того времени.

Не смотря на то, что от времени написания стихотворений нас отделяют десятилетия, мысли, изложенные в них, не потеряли актуальности и привлекательности и сейчас. Надеемся, что читатели по достоинству оценят творчество нового для них поэта Владимира Чукбар.

Профессор Г. В. Смир

Биография автора

Чукбар Владимир Антонович (21 июня 1917 г. – 5 января 1969 г.)

Его отец – Чукбар Антон Иванович, видный абхазский писатель – этнограф, государственный деятель довоенной эпохи. Его именем сейчас названа одна из улиц Сухума. Мать – Лаврова (по мужу Чукбар) Ольга Михайловна, Заслуженный учитель Абхазии, потомок одного из древнейших русских дворянских родов, внучка Петра Лаврова, выдающегося философа, политического деятеля России и Франции 19 века, учёного и поэта (автора русского текста к «Марсельезе»).

Родился в г. Гудаута. Окончил с отличием в 1936 году среднюю школу в г. Сухуме. Затем поступил в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ), который окончил в 1941 году. Подвергался репрессиям, как и вся семья Чукбар Антона Ивановича, арестованного и расстрелянного в 1938 году сталинским режимом.

Серьёзно занимался спортом: плаванием и водным поло, спортивной гимнастикой и боксом.

Семья Чукбар (примерно 1937 год)

Нижний ряд (слева направо): мать Ольга Михайловна, сестра Маргарита (в последующем – преподаватель Абхазского государственного университета), отец Антон Иванович. Верхний ряд (слева направо): Владимир Чукбар, его младший брат Константин (погиб на фронте Великой Отечественной войны).

Великая Отечественная война застала его на Северном Кавказе, где он работал на промышленном заводе инженером. Когда фашисты захватили город и завод, совершил на последнем диверсию, за что был приговорён к расстрелу. Только начавшийся авиационный налёт наших и прекрасная спортивная подготовка помогли ему в последний момент спастись

(этот эпизод отражён в двух стихотворениях). После освобождения города Советскими войсками, был призван в действующую армию. Воевал в инженерных и сапёрных войсках в звании рядового, участвовал в боях за освобождение Кавказа и Крыма.

Затем работал инженером на строительстве оборонного завода в г. Загорске, преподавателем электротехнического факультета Сухумского промышленного техникума. После переезда в Московскую область в г. Шатура, работал преподавателем Шатурского энергетического техникума.

В 1968 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по релейной защите энергетических объектов.

Помимо работы по специальности много внимания уделял общественной работе, в течение

Армейская фотография В. Чукбар (слева, 40-е годы)

*Владимир Чукбар вместе с
супругой Ариадной
(конец 40-х годов)*

*длительного времени
был депутатом Ша-
турского городского Со-
вета.*

*Награжден орденом
«Знак Почёта», не-
сколькими медалями
и знаками отличия
за участие в Великой
Отечественной войне
и послевоенный труд.*

*Был женат на своей
однокласснице по Су-
хумской средней школе
Баржицкой (по мужу
Чукбар) Ариадне Алек-
сандровне. Двое его сы-*

*новей, Александр и Константин, доктора наук, рабо-
тают в Московских вузах.*

Похоронен в Сухуме на Михайловском кладбище.

А. В. Чукбар

СТИХОТВОРЕНИЯ О ВОЙНЕ

* * *

Когда мы в угаре кровавых сражений
форсируем реки, берём города,
в разбитых кварталах, среди пепла селений,
я мыслью вперёд улетаю всегда:
«Как некогда Пушкина дивный Руслан
чудесно воскреснул от вражеских ран,
опрыснутый мёртвой, живую водой,
так вновь расцветут, словно сказочной новью,
бескрайние дали Отчизны родной,
что политы вражьей мёртвой кровью
и нашей кровью живой!»

Краснодар, 1943 г.

Сухуму

Привет мой сердечный Сухуму,
в котором я юность прожил,
где думал я первую думу
и первую песню сложил.

    Давно уже юность промчалась,
    время желаний, побед,
    лишь лёгкая горечь осталась,
    печали задумчивой след.

Так грусть оставляет печальный
рокот минорного «ля»,
иль флаг за кормою прощальный
уплывшего вдаль корабля.

    Теперь уж в душе у меня
    не сыщешь восторга, порывов,
    бездумно вверяюсь судьбе...
    Но в грохоте страшных разрывов
    всё помню, Сухум, о тебе.

Что кануло, то не возвратно,
но сердце всё рвётся домой,

как голубь стремится обратно
под крышу на дворик родной.
    И сердце трепещет, как птица...

    Вот память пролила свой свет
    на с детства знакомые лица...

    Но скольких теперь уже нет!

Как же товарищей павших
ещё не делю я удел?

В тучах осколков визжащих,
как же из тысяч попавших
меня ни один не задел?

    И снова кровавой тропою
    сквозь грохот снарядов и мин,
    влачу я, смеясь над собою,
    давно надоевший уж сплин.

Краснодар, ноябрь 1943 г.

Письмо матери

Хоть я и далёко от милого края,
 мой голос до дома дойдёт.
 Услышит его моя мама родная,
 что дома в слезах меня ждёт.

Не плачь же, не плачь, моя мама любимая,
 я сердцем с тобою всегда.

С тобою всегда моя тень невидимая,
 ночью и днём у окна.

Оставь же сейчас ты печаль эту злую,
 горечь забудь ты свою.

Слушай, тебе я тихонько какую
 песню о буре спою.

На юге далёком,
 на пике высоком,
 где ветер гуляет всегда,
 где птиц не водилось,
 гнездо прилепилось
 владыки просторов орла.

Здесь тучи как дома
 и рокоты грома

утёса качают главу.

И змеи шипящих
 молний блестящих
 чертят на тучах канву.

Но тучи проходят
 и солнце восходит
 в мягком сиянии зари.
 Кругом всё светлеет,
 и даль голубеет
 и море сверкает вдали!

И там в вышине,
 в одиноком гнезде,
 три гордых орлёнка росли.
 Орлица – их мать,
 их учила летать
 в воздушных пространствах Земли.

Учила в просторы,
 сквозь бури затворы
 крылатый прокладывать путь.
 Борьбы не бросать,
 хоть успеешь устать,
 и хочется так отдохнуть.

И трое орлят
 уже сами парят,
 в первый пускаясь полёт,
 оставив родное

гнездо дорогое,
в котором орлица их ждёт.
Теперь они сами
измерят крылами
глубины воздушного края.
Научатся драться,
в бою не сдаваться,
на солнце смотреть не мигая.
Вдруг вихрь наскочил
и орлят подхватил,
швырнул их без жалости в бездны...
И смерчи крутя,
разбросал их шутя
по свету рукою железной.
И в мраке расколоте
бешеным молотом
грома, потрясшего ночь,
ураганом горящих
молний разящих,
орлята унесены прочь...
И с криком орлица
сквозь бурю стремится
и ищет пропавших орлят.
А буря хохочет,
утихнуть не хочет,
и дети к гнезду не летят.

Так бури и наше гнездо разметали...
И в вихре кровавой войны
как птицы бесследно куда-то пропали
твои дорогие сыны.
Но бури не вечны над Миром могучим!
За ночью последует день,
солнце проглянет сквозь хмурые тучи,
горе исчезнет как тень.
И дерзкой победой закончив бои,
свет весь обмерив крылами,
вернутся обратно орлята твои
видавшими виды орлами!

Станица Холмская, 5 июня 1943 г.

Стихотворное письмо

Здравствуй, друг любезный мой,
 пишет друг давнишний твой.
     Он разлукой огорчён,
     шлёт низжайший свой поклон.
 Сообщает с первых слов,
 что по-прежнему здоров.
     Что проводит дни недели
     в упоительном бездельи.
 Разленился до того,
 что не пишет ничего.
     Лишь торчит он на часах,
     наводя на штатских страх.
 Да лелеет он обновку –
 трёхлинейную винтовку.
     И, ничем не удручён,
     только ею увлечён.
 Вечерами мы без брани
 собираемся у Ани.
     И ведём беспечно споры,
     анекдоты, разговоры.

И толкуем вообще
 о любви и о борще!
     А соскучившись от споров
     и от «умных» разговоров,
 мы садимся хоть слегка
 поиграть и в дурака.
     И терплю я вечно крах,
     оставаясь в дураках!
 Но устав, как не тужи,
 и от смеха, и от дела,
     что пользительно для тела
     и безвредно для души,
 мы, довольные собой,
 отправляемся домой.
     Вот кратчайший мой отчёт,
     как жизнь у нас течёт!
 Ну, пока! Привет от наших:
 Ани, Веры и Любаши.
     Не забудь – черкни хоть слово.
     Неизменный друг твой Вова.

Краснодар, 23 февраля 1944 г.

Незнакомке

Давно не приходят уж письма ко мне
из милого сердцу Сухума...

И сердце тревожит, и ночью во сне,
и днём неотступная дума:

Жива ли старушка – родимая мать,
здорова ль сестрёнка родная,
и долго ль ещё суждено им страдать,
солдата домой ожидая?

В кровавом тумане проходят бои,
походы сменяют походы,
как вёрсты, меняя названья свои,
мелькают невидимо годы.

Шагая тернистой дорогой войны,
которой нет равной на свете,
всё дальше уходят от дома сыны,
всё ближе подходят к победе.

Хоть мы огрубели в жестоких боях,
но сердце к любви не остыло.

И радость всплывает в суровых глазах
при вести - «Письмо вам из тыла!»

Привычны нам битвы и трудный поход,
атаки СС-батальона.

Смущает нас больше, чем танков обход,
«обходный манёвр» почтальона.

Спасибо за то, что сегодня хоть я
не был, наконец, обойдённым,
за Ваше письмо, что согрело меня
сочувствием, в нём отражённым.

Как будто в пустыне, в палящей глуши
блеснула вода ключевая...

Нет, больше горздо! – Ведь жажда души
сильнее, чем жажда простая!

Албай, Крым, 20 мая 1944 г

* * *

Память прошедшее вдруг всколыхнула...
 Тихо скользят предо мной
 лица, события... всё что минуло,
 мерной пройдя чередой.
 Помню себя я ребёнком двухлетним,
 детства родные места...
 Как-то я ехал по холмикам этим –
 старого нет и следа!
 Помню я игры, бои, фехтованья,
 мой сверх изящный «ангард»,
 с другом – соперником все состязанья,
 Лондон, Майн-Рид и Хаггард.
 Всех путешествий и подвигов планы,
 детски воинственный пыл.
 Нет, я не лез никогда в «атаманы»,
 но, почему-то им был.
 Вот и последние школьные вехи,
 чувств, пробудившихся, первый подъём,
 в спорте, теперь уж серьёзном, успехи,
 да и не только лишь в нём!...

В памяти живо всё, что минуло,
 но не вернёшь уже, нет.
 Как незаметно с тех пор промелькнуло
 целых одиннадцать лет!
 Годы учёбы, трудов и мечтаний,
 взлётов, падений, метаний вокруг,
 годы не сбывшихся дум и желаний,
 голода, крови и мук.
 Но почему-то все годы военные,
 в памяти хоть и резки,
 как-то всё чужды, холодно – нетленные,
 чужды, хотя и близки.
 Словно не я, а другой человек,
 мёрз, голодал и потел,
 словно другого в тот памятный вечер
 немцы вели на расстрел.
 Словно не я это брёл по просёлкам
 в грязь, и в метели, и в зной,
 подчас угрюмый, а подчас весёлый,
 подчас усталый, больной.
 Молча, уткнувшись, лежал под обстрелом,
 жадно махорку курил,
 вшей, комаров и клопов своим телом
 всех и отдельно кормил.
 В плавнях кубанских просиживал сутки,
 часто по пояс в воде,

матом ругался и сыпались шутки,
так вот всегда и везде!
Было, минировал танкам подходы,
было и землю копал,
было, из грязи тащил я подводы,
было, и просто мечтал!
Сколько продумано, сколько прожито...
Много воды утекло!
В памяти всё ещё живо, открыто,
в жизни уже умерло.
Мысли в прошедшем совсем утонули...
Тихо скользят предо мной
лица, события... всё, что минуло,
мерной пройдя чередой!

Сухум, 9 апреля 1947 г.

ЛИРИКА

Лунная ночь

Ноченька лунная, милая, нежная
тихо обняла лужок и леса.
Чуть серебрится здесь ёлка таёжная,
справа клубится тумана коса.
Девушка чудная, нежная, милая,
каждая травка мне шепчет о ней.
Вместе плывут наши души, любимая,
в сказочном царстве теней.
В блеске волшебном, серебряно-лунном,
тихо трепещут листы в вышине.
И отражённым трепетом струнным
лунные блики мерцают в траве.
Любовь серебристая в сердце мне блещет,
туманом клубятся все чувства во мне.
Губы трепещут и сердце трепещет,
как лунные блики мерцают в траве!
Тихо... Громады стволов настороженно
ловят неясный шорох травы.
Дедушка-лес замолчал заворожено,
закрывшись седой бородой листвы.

Счастье могучее, счастье безмерное,
крепко обняло меня.
Шорохом лес усмехнулся:
Наверное, девушка тоже уж любит тебя!

Мин-Воды, сентябрь 1942 г.

* * *

Огонь вина горит в крови,
но боли сердца не залить.
Огнем вина огня любви
никак нельзя мне погасить...
И плачет небо, ветер стонет,
болит, пылает голова,
и в сердце больше никого нет:
любимой нет, она ушла...

Я помню, горечью пронзённый
самовлюблённого юнца,
красивый профиль, наклонённый
к овалу милого лица.

На что мыслители красоте!

Погона блеск куда нужней.

И предпочтён поэт пилотке
и паре чёрных глаз под ней.

Я знаю: с блеском сапоги
и звёздочка в погоне эта,

конечно, лучше, чем очки,
пускай не старого поэта...

Но променять всей дружбы нежность,
всю теплоту любви простой,
на хоть красивую, но внешность,
на блеск холодный и пустой...

Меж тем восток, уж посветлев,
бросает отблески зари.
И я сижую, уж отрезвев,
и от вина, и от любви.

Мин-воды, 1942 г.

Голубые глаза

Блуждая по жизни, гонимый судьбой,
жесточкой борьбой утомленный,
случайно я встретил твой взор голубой,
в него погрузился душой
и вспыхнул огонь оживленный.

Так, странник бесплодной пустыней блуждая,
уже не надеясь оазис найти,
без чувства, без мысли, в тоске погибая,
глядит и не верит – струя голубая журчит,
оживляя, в пути.

Глаза голубые глядят на меня,
даруя от тягот забвенья.
Их светлые искры ласкают, маня,
в них счастье трепещет, свой блеск не тая,
и греют лучом утешенья.

Нас жизни жестокие бури несут.
Куда? – угадать не могу я.
Но счастья безмерного этих минут
ни штормы, ни смерти у нас не возьмут,
и не погасят огонь поцелуя.

Огонь голубой растопил все мечты
и чувства поэта полились стихами.
Но пламень стиха не растопит листы,
на кои свой взор опустила здесь ты.
Лишь души пылают страстями.

Ставрополь, 8 января 1943 г.

Стихотворный комплимент

Кто хоть раз случайно взглянет
в бархат взора твоего,
тот рабом послушным станет,
не забудет уж его.

Бронью смеха закрывая
сердца трепетного снег,
чтоб от блеска не растаял
глаз, струящих пламя нег.

Я беспечно улыбаюсь
и шучу по мере сил.
Чтоб спастись – дерзить пытаюсь...
Нет, никто – главой ручаюсь,
мук подобных не сносил!

И в пылу ехидного спора
сердце вдруг стремится ниц,
лишь на томный бархат взора
упадает шёлк ресниц.

Кто хоть раз случайно взглянет
в бархат взора твоего,

тот рабом навеки станет,
не забудет уж его...

Автор дерзких этих строк
мирно в Мире жил свой срок,
верой в Бога не мечтал,
но лишь Веры взгляд он встретил,
он в Богиню вдруг поверил,
сердце Вере он отдал!

Ставрополь, 18 марта 1943 г.

* * *

Буря войны беспощадно бросает
жизни моей одинокий челнок.
Смерть ото всюду ему угрожает,
в бездну влечёт непонятный поток.

Но сердца застывшего мрак беспросветный
вдруг осветился сияньем зари.
Сердце забилося, услышав заветный
сладостно-нежный голос любви.

И радостно – светлый вечер свиданья
в сердце развеял тоску и печаль.
В нём пробудились былые мечтанья
и жизни, прошедшей бесцельно, не жаль.

Снова любовь с неизведанной силой
чувства и думы объяла мои.
Сердце трепещет при мысли о милой,
голос любимой заветною лирой
тайную песню поёт о любви.

Как мне забыть эти синие ночи,
смех серебристый любимой моей?

Как мне забыть эти карие очи –
в мире не сыщешь милей!

Зачем это счастье навеки не будет,
зачем, о зачем, мы расстанемся вновь?
И скоро уж Люба навеки забудет
про нежную эту поэта любовь...

Краснодар, апрель 1943 г.

* * *

Наш Валерий молодой
ходит с девицей красой.
И толкует, не смущаясь,
про любовь он, улыбаясь.

Что-то нежно-нежно просит
И девица быстро тает.
Муки страсти не выносит,
наконец... не возражает.

А Валерий молодой,
чуть поспев к утру домой,
словно кот прищурясь бродит,
маслянистый глаз не сводит
с фотографии одной
и толкует, что больной.

Болен, болен, спору нет!
Только чем, скажи мой свет?

Краснодар, апрель 1943 г.

* * *

Меня просила ты стихами
изобразить тебя, мой друг,
но повторять, что вечерами
тебе твердит сержант словами
в стихах – мне право не досуг!

Куда тягаться мне с сержантом,
ведь это впору лейтенантам,
а я, несчастный - рядовой,
дерзну ли с ним сойтись на бой?

Я блеска формы не имею,
сам не блещу я красотой.
Мешать сержанту я не смею –
обыкновенный рядовой.

Подобен хмурой я вороне,
и звёзд я в небе не ловлю.
И, не имея звёзд в погоне,
с сержантом спорить не люблю.

Я знаю: тёмному погону
достать сержантский, ярче роз,

трудней, конечно, чем вагону
догнать ведущий паровоз!
Люби, ласкай сержанта, Оля,
вперёд прощаю все грехи.
Но от меня, тогда уж, боле,
не жди хвалебные стихи!

Краснодар, 18 сентября 1943 г.

С новым 1944!!!

Прими, мой неизменный друг
 сие ничтожное творенье,
 плод бесталанно – горьких мук,
 но самых искренних потуг
 тебе доставить наслажденье.

Я хоть поэт и не блестящий,
 как и солдат я – рядовой,
 зато рассказчик не простой –
 из ряда вон тут выходящий.

И раз стихи я обещал
 (не смею в этом отпираться),
 я их пишу, хоть может статься,
 напрасно время потерял:
 тебе же ведь не в первый раз
 служить предметом излиятий,
 и стихотворческих проказ,
 и прозаических дерзаний.

И хоть талант мой не велик
 (конечно, это по секрету),

последним быть я не привык,
 а первым быть – надежды нету!

Зачем же взялся я писать?

Я не могу не оказать
 очаровательному другу
 такую мелкую услугу!

Однако, хватит мне болтать
 (я опасаясь быть несносным).

Чего ж тебе мне пожелать
 в году сём новом, високосном?

Ума, достоинств, красоты?

Но даже Феба удивив,
 давно владеешь ими ты,
 меня об этом не спросив.

Чего ж ещё? Блаженства, счастья?

Но полон искренне участия,
 одно лишь я могу сказать:
 что в мире этом их искать,
 увы! – конечно, бесполезно.

А Вас на небо посылать,
 признаться, было б не любезно!

И эти слабые стихи
 рукой дрожащей я кончаю.
 Молю простить мои грехи,
 и сам себе я их прощаю!

Краснодар, 13 ноября 1943 г.

* * *

Руку любимой в своей я держу
 и в милые очи с тоскою гляжу.
 Но что глубина их трепеща скрывает,
 кто мне расскажет и кто отгадает?
 Как море бездонно они глубоки,
 как будто и близко, и всё ж далеки...
 Взор их изменчив, как ветер на море,
 то счастье и радость, то муки и горе...
 То душу согреют, то холод прольют,
 то жизнь вдруг подарят, то взглядом убьют.
 То мир весь готов я на битву позвать,
 то хочется в ноги упасть и рыдать...
 То счастье безбрежное душу обнимет,
 и сердце согреет, и горе отнимет.
 И верю тогда, хоть и трепетно я,
 что будешь, что будешь ты скоро моя!
 Как ветка дрожу я, тебя обнимая,
 и страсти бушуют, мне душу сжигая...
 Но вдруг, отшатнувшись, вперяю свой взор,
 и в мыслях, как призрак, всплывает майор...

И ревность внезапно ужалит меня,
 и солнце померкнет средь ясного дня.
 И бешенства искры в крови моей пышут,
 в глазах всё темнеет и уши не слышат.
 И дома на койке мечусь, как больной,
 мучимый сомненьем, объятый тоской.
 И пальцы грызу я, и корчусь, рыдая,
 а сердце то рвётся, то ждёт, замирая.
 Безумие, муки, и гнев, и любовь,
 до утра терзают, волнуя мне кровь.
 А вечером снова бегу я к любимой,
 влекомый могучей, неведомой силой...
 И снова я руку любимой держу
 и в милые очи с тоскою гляжу.
 Но что глубина их, трепеща, скрывает,
 кто мне расскажет и кто отгадает?

Краснодар, 21 ноября 1943 г.

* * *

Хотел сейчас весёлую
я песнь тебе сложить,
тоску оставить чёрную,
весельем только жить.

Но грусть свою глубокую
не смог я превозмочь,
не смог печаль жестокою
из сердца выгнать прочь.

А время стрелкой мерною
спешит вперёд, вперёд:
сегодня ночью серою
уходит старый год.

То год был битв ужасных,
год муки и крови,
надежд и дум напрасных,
но год моей любви!

То душу одинокую
согрела ты, любя.
Люблю я синеокою
и нежную тебя!

Твоя улыбка милая
как солнца луч во тьме,
и ты, моя любимая,
дороже жизни мне.
Любовь моя безбрежная
пускай тебя хранит,
и счастье безмятежное
пусть душу осенит.

Пускай несчастья злые
лишь на меня падут
и напасти лихие
тебя пусть обойдут.

О, если б грудью любящей
тебя я мог закрыть,
и от печали будущей,
от горя защитить...

Нас рок рукой железною
швыряет, тешась властью.

И мы скользим над бездною...
О если б не упасть!

Краснодар, 31 декабря 1943 г.

* * *

На радость, иль горе
сошлись мы по воле
слепой непонятной судьбы?
Зачем мы ей вняли,
и жизни связали
в суровое время борьбы?

Блаженство так кратко:
разлука украдкой
прервёт наслажденья любви...
Конец же не долгод:
случайный осколок,
и счастье утонет в крови.

От милой далёко
умру одиноко
с последним проклятьем судьбе,
а ужас разлуки,
и горе, и муки,
останутся, птичка, тебе...

Иль может быть мимо
просвищет незримо

кровавая смерти коса,
и ветер летучий
очистит от тучи
бескрайней любви небеса...

Мы встретимся снова
и сумрак былого
растает в сиянии дня,
когда под верба́ми
твоими руками
блаженство обнимет меня!

Краснодар, 26 марта 1944 г.

Прощание

Долго нас судьба хранила,
но пора и в путь.
Тихо голову склонила
ты ко мне на грудь.

И от горя потемнели
карие глаза,
И скользнула по шинели,
как алмаз, слеза.

Тихо дрогнули в рыданьи
складки милых губ...
И шептал о расставаньи
придорожный дуб.

Перестал пылать, искриться
счастья огонёк.
Лишь надежды чуть теплится
слабый уголёк.

Керчь, 29 апреля 1944 г.

* * *

Тихо вздыхает ветер,
моря вздымая грудь.
В лунном неясном свете
лентой змеится путь.

Песня над морем льётся,
в душу сквозит печаль.
Сердце, как птица бьётся,
сердце стремится вдаль.

Тихо качнулась ветка,
ветер вздохнул сильней.
Тесна грудная клетка,
сердце томится в ней.

Бахчисарай, 8 июня 1944 г.

Музе

Муза, Муза, что ж ты скрылась,
навести опять меня.
Скукой жизнь моя покрылась,
словно солнце закатилось
золотого дня.

Я с тобой прошёл сквозь грозы,
сквозь огонь, железо, кровь.
Я делил с тобою слёзы,
сохранив средь пошлой прозы
лишь к тебе любовь.

Что же ты мне изменила
среди скуки будних дней?
Иль любовь твоя остыла
и меня ты позабыла
для других людей?

Прилети Царица Света,
не покинь меня хоть ты.
Жив ещё в душе поэта
аромат мечты.

Музы дар меня коснётся,
лиры звук вспорхнёт в тиши.
И надежда вновь проснётся,
и слезою песнь прольётся
на гранит души!

Загорск, 31 августа 1944 г.

* * *

К чему все эти оправдания,
и сожалений длинный рой?
Вам жаль доставить мне страдания
своей изменой роковой?
Я был любим! Вы правы, правы!
Вам тяжело мне изменить!?
Любили дважды до меня вы,
в четвёртый трудно полюбить?
Бедняжка, да! Вы так страдали,
что огорчаете меня.
Похоже, мне вы изменяли
ещё сильнее любя!
Смешно мне ваше сожаленье,
знавал я горечь не одну.
Достоин больше поздравленья,
с чьих глаз сорвало пелену.
Вкушая страсти новой счастье,
с другим сплетаясь во тьме,

вы мне нежнейшее участие
изображаете в письме.
Как вы пошлы своим желаньем
меня утешить. Боже, как!!!
Как миллионер, что «с состраданьем»
бросает нищему пятак.
Когда ещё вы связь тянули,
насытить страсть свою спеша,
вы в душу мне не заглянули,
на что вам сердце и душа!
Покорным псом меня считая,
играли чувством вы моим,
и я служил, тоску скрывая,
пока я думал, что любим.
Сейчас не ждите слёз, молений.
В самозабвении слепом
мог целовать я вам колени,
но никогда не был рабом!
Когда ловил ваш взгляд единый,
благоговением горя,
я был жрецом перед святыней,
не псом великого царя!
А, омрачённый страстным пиром,
язычник прах целует ног,
склоняясь пред мраморным кумиром,
пока он верит, что тот – Бог!

Нет! Вы не властны надо мною,
меня к ногам уж не склонить.
И с вашей мелкою душою
моей душе в ладу не жить!

Загорск, 25 сентября 1944 г.

Только тебе

Я помню счастья дивный миг:
любовной лаской утомленный
к груди любимой я приник,
таившей жар неутоленный.

И этот жар вновь разжигал
в моей груди огонь желанья,
он счастье рая обещал,
дарил блаженство обладанья.

Текли мгновения любви,
то в чарах дивных сновидений,
то в вспышках бешенных крови,
в безумной бездне ощущений.

И поцелуя сладкий миг,
горячей груди вздох стесненный,
блаженной муки слабый крик,
и трепет тела обнаженный...

На грудь мне голову склонив,
шептала ты: «Любимый...любишь?
Скажи, со мною ты счастлив?
С другою так счастлив не будешь?»

Теперь разлуки боль вкусив,
когда тебя уж нет со мною,
могу сказать: «Я был счастли́в.
И буду счастлив лишь с тобою!»

Загорск, 8 декабря 1944 г.

1944 – 1945

Года проходят чередой
и жизнь идёт путём жестоким:
я старый год встречал с тобой,
встречаю новый одиноким.

Мне счастье старый год послал,
но даровал и боль разлуки,
его я песнею встречал,
а провожаю стоном муки.

Любовь – мой милый властелин!
Я верю, пламенной душою,
что встречу этот год один,
но провожу уже с тобою!

Год счастья кажется нам мал,
а год разлуки словно вечен,
но кто в разлуке не страдал,
того не ждёт и радость встречи.

А нас оно уж ждёт, поверь,
не вечно хмурое ненастье:

мы горе выгоним за дверь,
и у неё
        увидим
                счастье!

Загорск, 31 декабря 1944 г.

* * *

Когда мы встретились с тобой,
уже не молоды мы были.
Восторги юности остыли,
и годы грозные покрыли
их равнодушной корой.

        Лишь жизни быстрая весна
        порой незримою промчится,
        она уже не повторится,
        а в волосах уж серебрится
        зимы предвестник – седина.

Увяли юные мечты,
до нашей встречи не дожили.
Давно мы их похоронили,
и лишь морщинки сохранили
их промелькнувшие черты.

        На скользкой жизненной тропе
        мы заблужденьям дань отдали,
        неблагодарность испытали,
        пока цену́ людей узнали,
        цену́ узнали и себе.

Любили мы не в первый раз
и не слепую юной страстью,
мы знали горе и несчастье,
и потому ценили счастье,
а жизнь мы знали без прикрас.

Под платонический покров
мы чувство нежное супруга
не хоронили от испуга,
не возносили мы друг друга
на пьедестал земных Богов.

И наша поздняя любовь
не свет волшебного сиянья,
не взрывы страстного желанья,
не «рай» блаженств, не «ад» страданья,
что у юнцов волнует кровь.

Кто много жил, лишь те поймут,
что наше чувство не такое:
простое, мудрое, земное...
Блаженство тихое покоя,
домашний отдых и уют!

Тушино, 22 июля 1945 г.

* * *

И в пургу, и в холод вьюжный
песни я свои слагал,
а попал под ветер южный,
голос вдруг я потерял!

Пел о деве я прекрасной,
о любви беспечно пел,
а влюбился я несчастный,
и как будто онемел!

Сухум, июль 1946 г.

* * *

Песнь над сонным морем льётся,
в небе месяц высоко;
хорошо, когда поётся –
на душе легко.

Дышит ночь благоуханьем,
мягкой теплотой,
серебристое сиянье,
и кругом покой...

Но в покое бури скрыты;
жизни путь далёк,
хорошо, когда в пути ты
наконец, не одинок.

И тогда во мгле бурана,
в диком поле далеко,
будет также без изъяна
на душе легко!

Сухум – Очамчира, 4 февраля 1947 г.

Кавказу

Люблю тебя я, мой Кавказ,
особо в ранний утра час,
когда сияют как алмаз
вершины гор
и словно просит нежных ласк
морской простор.

Ещё в ущельях мрак царит
и в них природа сладко спит,
и тише, кажется, шумит
седой поток.

В руинах замок там стоит,
угрюм и строг.

Зеркально тих залив морской,
и отражаются водой
и белый домик под горой,
и тёмный лес,
и пальм прибрежных сонный рой,
и свод небес.

Теплом и негою объят
тихонько дремлет чудный сад...

Над сонным миром здесь царят
весна и тень,
а на вершинах гор горят
зима и день!

Сухум, 31 марта 1947 г.

* * *

Тихо светает...
В небе ночном
чуть голубом
звёзды холодные тают.
Тихо по плитам ступаю,
думаю всё об одном.
Стоит ли, стоит?
Всё ведь пройдёт!
Горе и гнёт
давность забвеньем покроет.
Чувство горячее вскрыет
сердца застывшего лёд.
Зиму сменяет
жизнь и весна.
Ночью луна
солнцу взамен выплывает...
Так и любовь, умирая,
вновь возродиться должна!
Тихо светает...
В небе ночном
чуть голубом

звёзды холодные тают...
Тихо по плитам шагаю,
думаю... так, ни о чём!

Сухум, 10 апреля 1947 г.

* * *

Когда за окошком чуть брезжит рассвет,
но сердце бессонно бунтует,
а ум истомлено пустует,
и стих безнадежно тоскует,
то, значит, тоскует поэт.

7 июля 1947 г.

* * *

Ты говоришь о неизвестном,
о райском будущем тепле,
но для чего мне рай небесный:
тебя я вижу на земле.

Нас жизнь надеждою колдует,
нас манит будущего лик,
но я бы всё, что было, будет,
отдал без дум за этот Миг!

И чтоб его в годах суровых,
хоть тень его, здесь сохранить,
хочу я Миг стихом свободным
на этот лист переложить.

Сухум ,6 июля 1947 г.

* * *

Ты пишешь мне: охлаждают
моя любовь, мои мечты...
Не может быть, не верю в то я,
что в это можешь верить ты.
Я виноват лишь в том, родная,
что мало клятв тебе твержу,
что я без жалоб, фраз, молений
разлуку здесь переносу,
что к слишком, знаю, молчаливым,
я и в любви принадлежу...

Мы сведены судьбой и чувством,
какой уж есть, - смотри, - я твой:
с моей тоской, умом и телом,
с моей бунтующей душой.

Я много в жизни снёс без жалоб,
молчал, ведомый на расстрел,
и вот теперь я плачу, видишь? –
я раньше плакать не умел.

Мы так близки, моя пичужка,
пространствам снежным вопреки...

И, значит, дали все бессильны
 для тех, кто чувствами близки!
 Не затемнит и блеск пожара
 свет глаз твой нежно голубой,
 и, даже грохоты орудий
 не заглушат мне шёпот твой...

Ну что ещё сказать в ответе
 тебе, мой милый идеал?
 Что значат все слова на свете,
 когда я жизнь тебе отдал!

Сухум, 31 декабря 1947 г.

* * *

Чей образ всечасно тревожит,
 чарует и манит далёкий?
 И ум мой бурлит одинокий,
 а сердце утихнуть не может.

И помнится вечер на море...

Одни мы вдали ото всех...

А в шёпоте слышно то горе,
 то тихий волнующий смех.

С тех пор та волшебная сила
 чарует, волнуясь, горя,
 как звездочка та, что светила
 на небе нам в те вечера.

И мягкой окутано тайной
 всё то, что шептали уста,
 как бархатным мраком бескрайным
 нас ночь укрывала тогда.

Но если все чувства, все грёзы
 я миру стихами открою,
 весь мир зарыдает со мною,
 и, вдруг, улыбнётся сквозь слёзы!

Сухум, 31 октября 1947 г.

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Новый 1943 год

Во мраке ночи умирает,
хрипя в агонии пургой,
старик тщедушный и седой –
то старый год нас оставляет.

С привычным холодом в груди
сижу, как в жизни, одинок...
Я знаю: год, что впереди,
того не лучше, что протёк.

Мин.- Воды, 1 декабря 1942 г.

Философия жизни

Ещё один свой круг бесстрастный
уже закончила Земля,
и он прошёл – тот год ужасный,
обагрив кровию поля.

Всё также холоден и мерен
в пространстве мира бег светил,
и в глубине его затерян,
наш шар земной свой круг свершил.

Ведь всё течёт от века к веку,
и постоянства в мире нет,
а жить осталось человеку
ещё совсем немного лет.

Ведь в мире нет недвижимой тверди,
но всё подвижно, всё плывёт,
а что живёт – достойно смерти,
и кто родился – тот умрёт.

В борьбе не может быть середины,
бороться – есть существовать.
И жизнь, и смерть в борьбе едины,
ведь жить и значит умирать.

И что миллионы лет, где Вечность -
 закон движенья и борьбы,
 где всё уходит в Бесконечность,
 где провиденье – царь судьбы.

А длинный ряд веков пройдёт,
 и Солнца дивный мир угаснет,
 и человечество умрёт
 с последней вспышкой жалкой страсти.

И в мраке бездны мировой
 вокруг Солнца, мёртвого тогда,
 холодный, тёмный шар земной
 свой путь закончит навсегда.

Всё уже, уже, круг фатальный
 и катастрофы час грядет,
 и с страшным грохотом прощальным
 Земля на Солнце упадёт,
 и взрывом факел погребальный
 нам, человечеству, зажжёт...

И снова мрак над страшной бездной...
 Но Мир свой путь прервать не может!
 С неотвратимостью железной,
 с какой природа уничтожит
 на всей Земле, чрез много лет,
 разумный Мозг – свой высший цвет,
 она его воздвигнет вновь
 в другое время, в новом месте,

и вновь родятся с мыслью вместе
 страданья, муки и любовь!
 О Разум – высший дар природы!
 ты тайны жизни постигаешь,
 ты видишь сквозь пространства, годы,
 законы Мира открываешь.

Природа создала тебя
 и ты – продукт её начала,
 но лишь в тебе она познала
 свои законы, саму себя.

Теперь её ты покоряешь,
 но сам пощады не найдёшь.
 Ты блеском Солнце затмеваешь,
 Но вместе с Солнцем ты умрёшь!

Краснодар, 15 декабря 1943 г.

* * *

Творец довольно скверных песен,
философ, впрочем, не дурной,
но тем лишь только интересен,
что недоволен сам собой.

Поклонник всяческих талантов,
сам не имея никаких,
и врач жестокий – дилетантов,
хотя, признаться, сам из них!

1944 г.

Сон или бред?

Ветер воеет, как волк одинокий
и дали окутала мгла.
Дорога болотом, покрытом осокой,
бескрайнею грязью легла.
Замолкни, замолкни ты, ветер проклятый,
а нет – зарыдаю и я.
И так спотыкаюсь, тоскою объятый,
на грязной тропе бытия.
Уныло раскинулось поле пустое,
пусто и там – впереди...
Ветер ли стонет, волк ли там воеет,
сердце ли ноет в груди?
Ветвей обнажённых чёрные руки
немо протянуты ввысь,
словно в порыве несказанной муки
небо объять собрались.
Тянется липкая грязь за ногою,
тянется проклятый путь;
телом устал я, устал я душою,
негде им здесь отдохнуть.

Зачем же страдать мне в скитаниях ложных,
 до цели ведь мне не дойти...
 Издохну в одной из канав придорожных
 не сделав и трети пути!

Краснодар, 11 января 1944 г.

Мудрецу

Мудрец! Твоя сурова доля!
 Чтоб свет пролить, где грязь и тьма,
 нужна негнущаяся воля
 и смелость сердца и ума.
 Ты осуждён всю жизнь стремиться
 святую истину познать,
 чтоб перед смертью убедиться,
 что ложкой моря не счерпать.
 Но не впадай в тоску раздумья,
 и гордой мыслью подкрепись,
 что одному черпать безумье –
 но нас миллионы собрались!
 Да, бесконечна цепь движенья,
 её конца нам не видать,
 но у неё куём мы звенья,
 без звеньев цепи не бывать!
 Исканья наши не напрасны,
 велик и наш посильный труд.
 И взлёты разума прекрасны,
 их результаты не умрут.

Земным умом проникнуть в небо,
 или спуститься в бездну вод,
 прочесть у древних надпись склепа
 и предсказать планеты ход.
 Открыть Земли происхождение,
 строение атома понять,
 открыть законы тяготенья
 и скорость света рассчитать!
 Какое явлено терпенье,
 и сколько крови пролилось,
 какие вынести мученья
 жрецам науки довелось!
 Могуч ты гордый дух исканий,
 и кто твоим огнём пылает,
 в том Разум создан для дерзаний
 и сердце трепета не знает!

Краснодар, 14 января 1944 г.

* * *

Я не создан, чтоб жизнь полнокровную
 проводить средь веселья и грёз.
 Я родился под бурей суровой
 для печали, и гнева, и слёз!

Мне отмерены были природою
 силы разума щедрой рукой,
 но растратил я силу ту гордую
 на бесплодную битву с судьбой.

Я хотел человечеству ясные
 в битве с жизнью пути указать,
 я хотел за идеи прекрасные
 свои сердце и разум отдать...

Чтоб в сокровище Мысли и Знания
 заблестал и мой чудный алмаз,
 чтоб о жизни пустой раскаяния
 не терзали в предсмертный мой час.

Но блуждал я дорогами ложными,
 и энергия, воля души
 разошлись мелочами ничтожными
 средь житейской нужды и глуши.

Кто ограблен судьбою жестокою,
 у того ничего не отнять.
 Потерявшему цель одинокою,
 уже нечего больше терять.
 И брожу я, надеждой оставленный,
 и смертельно уставший в бою,
 среди тысяч смертей окровавленных,
 чтоб найти, наконец, и свою.
 Но напрасно скользил я над бездною,
 и напрасно я должен сгореть:
 чтобы жизнь не была бесполезною,
 не достаточно в ней умереть!

Краснодар, 6 марта 1944 г.

* * *

Вас природа наделила разумом,
 наделила чуткою душой.
 И недаром, думаю, достался Вам
 ум пылливый, светлый и большой.
 Там, где многие пройдут не глядя,
 так, проходом, как через свой двор,
 там Вы выпьете от душ страдание
 и бессилья своего позор.
 Что для многих ясно и незыблемо,
 и покоя не отгонит прочь,
 то родит в уме у Вас сомнение
 и желанье как-нибудь помочь.
 И шагая так тропой тернистою,
 Вы покой отыщете едва.
 И, боюсь, финалом будет этому
 столь простое горе от ума!

24 апреля 1944 г.

Судьба

Куда нас Рок слепой ведёт,
того никто не угадает,
и что нас в жизни этой ждёт,
того, увы! – никто не знает.

Куда ещё судьба забросит,
какой пройти осталось путь,
какие встречи ветер носит,
какой разлукой ранит грудь?
Ждёт неизвестность впереди,
но в этом дьявольская сладость:
ведь лучше бурю ждать в пути,
чем на кровати лёжа – старость.

Ты на судьбу смотри без страха,
не как трясущийся Ага,
что просит милости Аллаха,
а как на равного врага.

Судьба изменит и солжёт,
она шутить изрядно любит.
То нежно-нежно позовёт,
и поцелует, приголубит,

и вдруг удар её жестокий,
в крови, без сил, бросает в грязь...
Но корчась, ты встаёшь на ноги,
и кровью харкаешь, смеясь!

В лицо бесстрастное Судьбы.
Ведь ты боксёр на ринге жизни,
достоин должен быть борьбы,
или, хотя бы, славной тризны.

И кто встаёт, пускай шатаясь,
тот бой не проиграл пока.
Губой разбитой улыбаясь,
ты атакуй опять врага!

И телом падая в пути,
не падай духом, славный воин.
И побеждённый, сердцем ты
победы должен быть достоин.

Штурмуя Счастье, лезь на стену,
и всё отдай, чтоб взять его:
ведь жизнь тогда имеет цену,
когда не стоит ничего!

Правдинск, 12 апреля 1945 г.

Другу

*Другу, уезжающему в отпуск
перед моей демобилизацией*

Ну, прощай, товарищ мой,
вот пора нам расставаться:
уезжаешь ты домой,
мне, покамест, оставаться.
Ты уж дома обживёшься,
и, желаний не тая,
раза три уже напьёшься,
водку горькую кляня!
Так, глядишь, и мой черёд
уезжать домой придёт.

Осушая осторожно
за стаканчиком стакан,
вот теперь и вспомнить можно
(наяву, пока не пьян)
как житьё у нас текло,
как всё было, что прошло.

Как с тобою мы шагали
по дороге фронтовой...

Нет, об этом-то едва ли
стоит помнить нам с тобой!
Вспомним лучше тыл глубокий,
танцы, драки, сад ночной,
где бродил я одинокий,
а потом бродил с тобой.

Как девчонок провожали,
как и что им «заливали»
добиваясь одного,
сам ты знаешь, друг, чего!

Анекдоты мы «давали»
от «кавказских» до «простых»,
как загнёшь один «на сале»,
так девчат бросает в псих!
Как мы Пушкина читали,
Маяковского ругали,
не его – его стихи,
а они и впрямь плохи!
Да, мы Пушкина любили,
наизусть его учили,
а ещё любили тоже,
восхищением горя,
ты – Есенина Серёжу,
Мишу Лермонтова – я.
Ну, и Симонов, конечно,
импонировал всегда,
Беранже – француз беспечный,

и Твардовский – иногда.
 (Например, мы чли за честь
 «Васю Тёркина прочесть.)
 Ну и сами мы писали,
 да простятся нам грехи...
 В пух и прах слова кромсали,
 уминая их в стихи.
 Искарёжив стих, бывало,
 мы меняли поскорей,
 не смущаяся нимало,
 амфибрахий на хорей.
 И опять давай калечить!
 (Это я веду к тому,
 что ругать стихи полегче,
 чем писать их самому.)
 Всё ж иной раз получалось
 (удивляюсь ей-же-ей),
 Муза нам вдруг улыбалась,
 и за то – спасибо ей!

Вспоминая все утехи,
 утверждать я здесь готов,
 что имели мы успехи
 у девчонок и стихов!
 А теперь мы расстаёмся
 (хоть друзьями остаёмся),
 и осталось нам одно:

выпить горькое вино
 и за это, и за то!
 Осушая осторожно,
 за стаканчиком стакан,
 вот теперь и вспомнить можно
 (в полусне: уже я пьян),
 как житьё у нас текло,
 как всё было, что прошло!

Чернореченские Дворики, 1 ноября 1945 года.

31 декабря 1945 г.

Свои стихи, что каждый раз
на Новый год писал,
с какой-то грустью я сейчас
в раздумии читал.

Года надежд, борьбы и бед,
прошли вы, как во сне,
а сколько вам подобных лет
осталось встретить мне?

Я жду, когда в тиши ночной
часов усталый зверь,
рыча двенадцать за стеной,
на год приблизит смерть.

Бесшумно время вдаль течёт –
река людских надежд.
Сейчас она пересечёт
ещё один рубеж.

Какой-то тайной дышит год
в последние часы,
когда другому отдаёт
бесстрастные весы.

Судьба – торговка ждёт теперь
исполнить свой каприз:
на чашку бросить гирию – смерть,
и ею взвесить жизнь.

Но усмехнувшись, как в бою,
я брошу полный дум,
на чашу жизни, на свою,
энергию и ум!

Что перетянет?

Сухум

* * *

«Хороший парень!» - все твердят.
 «Со всеми ровен без заботы,
 И весел, хоть и не богат,
 Зато богат на анекдоты!
 Сострить, так это он мастак!
 К тому ж, пожалуй, не дурак!»
 «...И молодой, а уж серьёзный.
 Скажите, он туберкулёзный?»
 «Такой приятно – скромный вид,
 и всё над книгами сидит.
 Такие люди нынче редки!»
 (Цитата из речей соседки,
 что в тёщи прыгнуть норовит).

А я, от бешенства дрожа,
 убийство совершить готов,
 чтоб хоть бы этим доказать,
 как много скрыто в сердце этом,
 чего по пошлым их приметам,
 нельзя никак предполагать!

23 августа 1946 г.

* * *

«Чего, философ, ты так бледен?
 Иди, воюй врагам на страх:
 ведь ты и мужеством не беден,
 и голова есть на плечах!»
 – Да, да, её то я имею,
 и в этом счастье моё.
 Но в наш то век, заметить смею,
 как раз, мой друг, из-за неё
 легко остаться без неё!

30 августа 1946 г.

Эпиграммы

Вы мните гением себя.
И тут не стану спорить я:
ведь каждый в праве без сомненья
иметь своё особо мнение.
Но вот беда, что гениальность
у вас ушла, мой друг, на...сальность!

Бульварному «льву»

Тебя, поклонник славы шумной,
предупредить я здесь готов,
что лучше быть вторым из умных,
чем первым быть из дураков!

Ум признать ваш я не в силах,
соглашусь на том,
что умны вы, друг мой милый,
но чужим умом!

Ноябрь 1946 г.

* * *

Мир вселенной бесконечен,
хоть в нём всё вперёд бежит.
Он велик, бессмертно – вечен,
хоть из смертных состоит.
Что ему момент идущий,
что и тот, что ждёт пройти?
Вечность прожил он, могущий,
вечность ждёт и впереди.
Всё в нём мерно и бесстрастно:
жизнь и смерть, борьба и сон,
всё в нём ново и прекрасно,
и старо, как сам же он!
Тесно в нём переплетенье
сил вражды: одно в другом,
и в борьбе – соединенье
света с мраком, зла с добром!
Ведь в борьбе любого сорта –
гран любви враждебных сил:
если б Бог не создал Чёрта,
Чёрт бы Бога сотворил!
Сухум, 31 декабря 1946 г.

* * *

Я помню, в юности пылала
душа в мечтаньях, как в огне;
тогда мой ум был занят мало,
но чувства все цвели во мне.

В волшебных снах ко мне являлся
прекрасно – нежный образ той,
кто мне в мечтах тогда казался
овеществлённой мечтой.

Но годы юности проплыли,
уж не поймашь, не лови...
И думы... думы заменили
мечты о сказочной любви.

С необходимостью природной
во мне поэта оттеснил
философ трезвый и холодный
и идеал переменял.

Теперь науки заменяют
любви волшебный идеал,
и я мечтам предпочитаю
сухой и точный интеграл.

Копаясь в атомной структуре,
упорно Энгельса зубрю,
и, даже на «Verhangnis» хмурый
филологически смотрю.

Быть может, лет седые волны
и с этой смоют высоты,
погасят ум, стремлений полный,
как прежде душу и мечты?

И помирюсь я с этим миром,
погрязну в пошлых мелочах,
и станут дум и чувств кумиром
интриги, деньги, зависть, страх!

Сухум, 23 марта 1947 г.

* * *

Тихо, так тихо качает
 шлюпку морская волна,
 словно со мною всё уплывает
 в царство волшебного сна...
     Берег знакомый – знакомый,
     дуб на опушке лесной,
     кот, побеждённый истомой,
     дремлет на цепи золотой.
 Дремлет, как малый котёнок,
 боком поближе к огню,
 сказки мурлыча спросонок,
 все их мешая в одну.
     Пляшут русалки и гномы,
     хмурится злобный Кащей,
     скачет царевич знакомый
     с милой царевной своей.
 В сердце неведомой чащи,
 в розах колючих кругом,
 замок красавицы Спящей
 спит заколдованным сном.

Спи же, красавица, с миром,
 лучше совсем не проснись;
 сказка окончится пиром,
 как то окончится жизнь?..
 Стой, но куда ты, куда ты?..
 Что там скользит по волнам?..
 Берег туманом объятый...
 Ах! То проснулся я сам!
     Сгинула дивная ласка;
     сырость, туманная слизь...
     Жизнь, почему ты не сказка,
     сказка, зачем ты не жизнь?

Сухум, 1 июля 1947 г

* * *

У моря синего брожу,
 на горы дальние гляжу,
 на близкий город предо мной
 у белой линии морской,
 под небом нежно – голубым,
 таким знакомым и родным,
 и, вспоминая жизнь свою,
 я песни старые пою...

А море, сонное, маня,
 едва-едва вздымает грудь,
 и пальмы, головы склоня,
 боятся будто лишь вздохнуть.

И, увлечённый красотой,
 вдруг замолкаю я порой...
 И в наступившей тишине
 злой демон корчится во мне:
 «Какого чёрта ты поёшь?
 Да и на кой ты чёрт живёшь?!
 Довольно ты бродил по свету,
 довольно пел ты песню эту, -

ты опротивел сам себе
 и надоел своей судьбе.

Под грузом чёрных дум своих
 ты бродишь – мёртвый средь живых;
 ты всё прожил и испытал,
 и вот устал, душой устал...

Под звуки вальса на балу,
 в любовных ласках и пылу,
 в веселье, горе – всё равно, -
 тебя грызёт, грызёт одно...
 Давно не нужен никому,
 себе, уж пуще, самому.
 Зачем по жизни бродишь ты –
 чужой для жизни и мечты?..»

.....
 Блистает звёздочкой маяк,
 так тихо в воздухе ночном...
 Нас окружил с тобой вдвоём,
 лаская, мягкий полумрак.

Ловлю счастливые мгновенья,
 ловлю дыханье губ твоих,
 и сердца нежного биенье
 я сердцем чувствую своим...
 А нежный свет любимых глаз
 так полон неги, дум и ласк,
 что утонул в его лучах,
 в надежде, счастье и мечтах...

И вдруг в блаженной тишине
 злой голос слышится во мне:
 «Я здесь, проснись! Ты спишь, ха-ха!
 Я твой покорнейший слуга!
 Какого чёрта радость пьёшь,
 да и на кой ты чёрт живёшь?
 Ты здесь чужой, ты всем чужой,
 ты был, и есть, и будешь мой!
 Под звуки вальса на балу,
 в любовно – радостном пылу,
 в веселье, горе – всё равно, -
 тебя грызёт, грызёт одно...»
 .....
 Так будь ты проклят, мерзкий бес!
 Ты крепко в душу мне залез,
 тебя не вырвешь из неё,
 она смердит, она гниёт...
 Так пусть умру в бредовом сне,
 что б только ты издох во мне!

Сухум, 20 июля 1947 г.

* * *

Говоришь, я притворяюсь,
 умный вид хранить пытаюсь,
 и, однако, оставаясь
 дураком бездумным.

Если б даже было так,
 и тогда я не дурак,
 раз умею как-никак
 притворяться умным!

Сухум, 22 ноября 1947 г.

* * *

Я прожил уже немало,
умным я успел прослыть,
не успев за тридцать с малым
научиться жить.

И своим трудом я скромным
ничего не приобрёл,
и пришёл к годам преклонным,
как родился, гол.

Но зато, в пути неблизком,
ничего не обронил:
сохранил я совесть чистой,
и надежду сохранил!

Сухум, 25 января 1949 г.

ПЕРЕВОДЫ

Перевод из Гёте

* * *

Как чудно играет
природа вокруг,
как солнце сияет,
смеётся и луг.

И веток цветенье,
и запах цветов,
доносится пенье
из тысяч кустов.

И радость на воле
вскипает в крови.
О солнце, о поле,
о счастье любви!

13 марта 1944 г.

Перевод из Шиллера

* * *

С колчаном и луком
утренней зарёй
через горы лугом
шёл егерь молодой.

    Как в ветрах и тучах
    царь – орёл парит,
    так в лесах и кручах
    наш стрелок царит.

Он властитель дали!
На стрелы полёт
все добычей стали,
что бежит, ползёт!

Краснодар, 15 марта 1944 г.

Переводы из Гёте

На лугу

На лугу среди скал
раз цветочек стоял,
Был он нежен, задумчив и прост.
Он сквозь снежные вьюги,
сквозь земные все муки
своё сердце золотое пронёс.

Ночная песнь бродяги

На горных вершинах
покой,
в уснувших долинах,
в чаще лесной
тропы не найдёшь.
Птички умолкли на страже...
Друг мой, когда же
ты отдохнёшь?

Сухум, 15 января 1946 г.

Песня весны

Земля, проснись!
Сквозь тёмный бор
взлетает ввысь,
к вершинам гор,
бушует, бьёт,
кипит, ревёт
могучий хор.

И только лишь
гремящий бас,
ломавший тишь,
умолк сейчас,
как в тишине
вдруг слышен зяблик
в вышине.

А песнь растёт,
манит, зовёт
туда наверх,
и с ней поют
сердца у всех!

Сухум, 8 февраля 1946 г.

Песня Маргариты из «Фауста»

Улетел покой,
я как в бреду;
его никогда уж
я не найду.

Где милого нет,
не мил мне свет,
весь божий мир
убог и сир.

Мой бедный ум
погас во тьме,
и чувства все
дрожат во мне.

Улетел покой,
я как в бреду;
его никогда уж
я не найду.

Его лишь жду я
с тоской у окна,
к нему иду я
в ночь одна.

Походка лёгкая,
осанка и вид,
его губ улыбка,
и взгляда магнит,
волшебной речи
журчанье струй
пожатые рук,
и...поцелуй!
Улетел покой,
я как в бреду;
его никогда уж
я не найду.
Мне грудь теснит
его обнять,
ах! Если б можно
и удержать!
И целовать,
как пчёлка мёд,
и в поцелуях
пусть смерть придёт!

Сухум, 6 марта 1946 г.

Переводы из Гейне

* * *

Я утром иду мимо дома,
где ты, моя детка, живёшь,
и сердцу теплее вдруг станет,
когда я увижу: ты ждёшь.

И смотришь пытливо навстречу;
в глазах – отраженье души:
«Кто ты, чужеземец угрюмый,

И что тебя мучит, скажи?»
Я, детка, немецкий писатель,
известный в немецкой стране.
Когда говорят в ней о лучших,
то знай, говорят обо мне.

А что меня мучит, малютка,
то многих терзает в стране.
Когда говорят в ней о муках,
То знай, говорят обо мне.

Квезань, 22 января 1947 г.

Красотка рыбачка

Красотка, красотка рыбачка,
не бойся сюда ты пристать.
Дай руку и сядь здесь поближе,
мы будем с тобою мечтать.

На сердце ко мне положи ты головку,
тебе ведь не страшно, малютка, и там?
Ведь ты доверяешь себя ежечасно
суровым и диким волнам!

А сердце моё во всём морю подобно:
в нём также всё плещет, кипит и бурлит,
и много прекрасных жемчужин
оно в своих недрах хранит!

Сухум, 2 апреля 1947 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Профессор Г. В. Смирн	3
Биография автора. А. В. Чукбар	5

СТИХОТВОРЕНИЯ О ВОЙНЕ

«Когда мы в угаре кровавых сражений...»	9
Сухуму	10
Письмо матери	12
Стихотворное письмо	16
Незнакомке	18
«Память прошедшее вдруг всколыхнула...»	20

ЛИРИКА

Лунная ночь	23
«Огонь вина горит в крови...»	25
Голубые глаза	27
Стихотворный комплимент	29
«Буря войны беспощадно бросает...»	31
«Наш Валерий молодой...»	33
«Меня просила ты стихами...»	34
С новым 1944!!!	36
«Руку любимой в своей я держу...»	38
«Хотел сейчас весёлую...»	40
«На радость, иль горе...»	42
Прощание	44
«Тихо вздыхает ветер...»	45
Музе	46
«К чему все эти оправдания...»	48
Только тебе	51
1944 – 1945	53
«Когда мы встретились с тобой...»	55
«И в пургу, и в холод вьюжный...»	57
«Песнь над сонным морем льётся...»	58
Кавказу	59
Тихо светает	61
«Когда за окошком чуть брезжит рассвет...»	63
«Ты говоришь о неизвестном...»	64

«Ты пишешь мне: охладевают...»	65
«Чей образ всечасно тревожит...»	67

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Новый 1943 год	68
Философия жизни	69
«Творец довольно скверных песен...»	72
Сон или бред?	73
Мудрецу	75
«Я не создан, чтоб жизнь полнокровную...»	77
«Вас природа наделила разумом...»	79
Судьба	80
Другу	82
31 декабря 1945 г.	86
«Хороший парень!» - все твердят...»	88
«Чего, философ, ты так бледен?...»	89
Эпиграммы	90
«Мир вселенной бесконечен...»	91
«Я помню, в юности пылала...»	92
«Тихо, так тихо качает...»	94
«У моря синего брожу...»	96
«Говоришь, я притворяюсь...»	99
«Я прожил уже немало...»	100

ПЕРЕВОДЫ

<i>Перевод из Гёте</i>	
«Как чудно играет...»	101
<i>Перевод из Шиллера</i>	
«С колчаном и луком...»	102
<i>Переводы из Гёте</i>	
На лугу	103
Ночная песнь бродяги	104
Песня весны	105
Песня Маргариты из «Фауста»	106
<i>Перевод из Гейне</i>	
«Я утром иду мимо дома...»	108
Красотка рыбачка	109

Владимир Антонович Чукбар

Стихотворения

Редактор и составитель А. В. Чукбар

Формат 70x100 ¹/₃₂. Тираж 300.

Физ. печ. л. 3,5.

Усл. печ. л. 4,55.

Заказ № 61.

РУП «Дом печати»
Республика Абхазия
г. Сухум, ул. Ешба, 168